

Траурные церемонии

Елена Минушкина

«Я грешу, вас слушая, — мне вас любить нельзя. Вдова должна и гробу быть верна». Так пушкинская Донна Анна говорит Дону Гуану, ещё не подозревая, кто он. Но это, что называется, художественное преувеличение. Ни один траур не длился вечно, оставляя шанс на новую жизнь. И тем не менее Пушкин завещал Наталье Гончаровой носить траур по нему не более двух лет. К чему же обязывали вдову эти «два года траура»?

Панихида на кладбище на девятый день.
Константин Савицкий, 1885 год

▲ Портрет императрицы Екатерины II в трауре (фрагмент). Эриксен Вигилиус, 1762 год

▲ Портрет императрицы Марии Фёдоровны в трауре (фрагмент). Джордж Доу, 1825–1827 годы

Смерть как лучшая доля

В XVI-XVII веке траур проходил относительно спокойно. Смерть человека, безусловно, печалила его близких, но традиционно её рассматривали как переход в лучший мир. Именно поэтому усопших одевали торжественно: в белый, красный или зелёный бархат и шёлк, а людей попроще — в белую рубашу. Если хоронили представителей правящей фамилии, то обязательно добавляли к погребальной палитре золото и серебро.

Окружающие облачались в чёрное или тёмно-синее платье, демонстрируя горе. Одежда могла быть не новой, и это даже приветствовалось — платье с иголки было свидетельством неуважения к покойному. Близкие должны были не заботиться о внешнем виде, а оплакивать усопшего.

После похорон устраивали поминальные обеды: на третий, девятый, двадцатый и сороковой день. «Кормов» (так ещё называли эти трапезы)

должно было быть минимум два, меньше уже считалось неприличным. После сорокового дня, когда, как полагали, у покойного истлевало сердце, траур снимали: ведь в Царстве Небесном ангел уже приводил его душу к Богу. Плакать больше было не о чем.

Смерть как представление

Как и многое в российской истории, траурный церемониал изменился при Петре I. Если раньше и сами похороны, и последующая скорбь были делом личным или семейным, то нововведения Петра сделали церемонию прощания несколько театрализованной, и скорбь постепенно приобрела светский характер. В XVIII-XIX веках российский скорбный этикет

приблизился к европейскому, но при этом сама церемония погребения оставалась средоточием православных традиций. На этом стыке религиозных правил и лёгкой светскости русская траурная история и балансировала до начала XX века.

Например, продолжали неукоснительно соблюдать 40-дневный строгий траур: членам семьи усопшего нельзя было участвовать в увеселениях и делать визиты. В идеале это время надо было потратить на размышления о бренности жизни и о собственной душе. Сорок дней близкие покойного проводили дома, но им могли наносить так называемые визиты сочувствия: короткие и очень формальные. Во время них даже не вели беседы, визитёры просто проявляли вежливость.

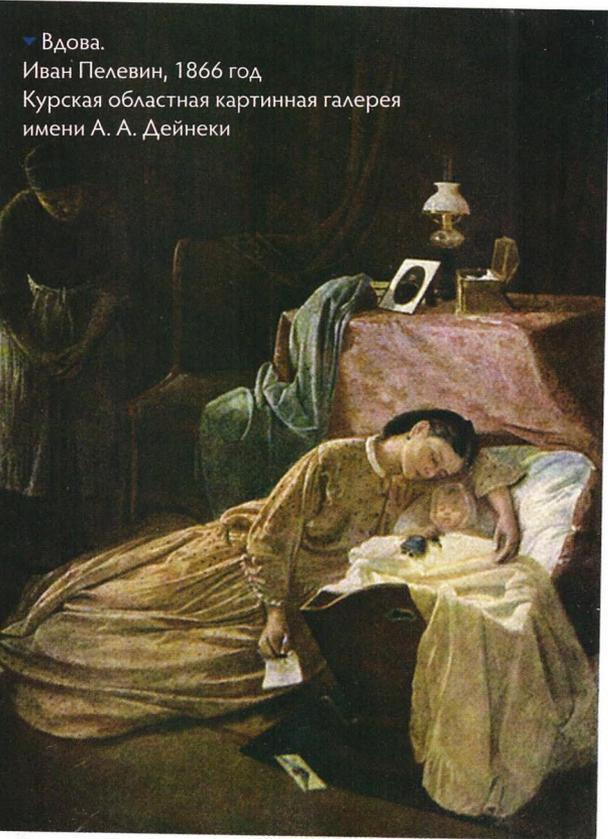
Появились и чёткие правила, касающиеся траурной одежды. Подробные воспоминания об этом оставила Елизавета Янькова, принадлежавшая

На третий год начинался полутраур

к знаменитой семье Татищевых. Вдовам предписывалось носить траур по мужу в течение трёх лет. В первый год платье надлежало шить из шерсти или крепа, на второй год можно было надеть шёлковое платье с кружевом (разумеется, всё чёрное), на третий год начинался полутраур. На торжественные мероприятия поверх чёрного платья можно было надеть серебряную сетку, выбрать одежду с лиловой или серой отделкой. Если же в семье, где ещё продолжался траур, играли свадьбу, то вдова меняла чёрное платье на лиловое.

Само слово «траур» пришло из немецкого языка: траuern по-немецки означает «оплакивать». Заимствовано оно было в Петровскую эпоху, хотя сам Пётр запретил публичные оплакивания на похоронах представителей императорской фамилии. А вот в народе традиция плача сохранялась ещё долго.

▼ Вдова. Иван Пелевин, 1866 год. Курская областная картинная галерея имени А. А. Дейнеки

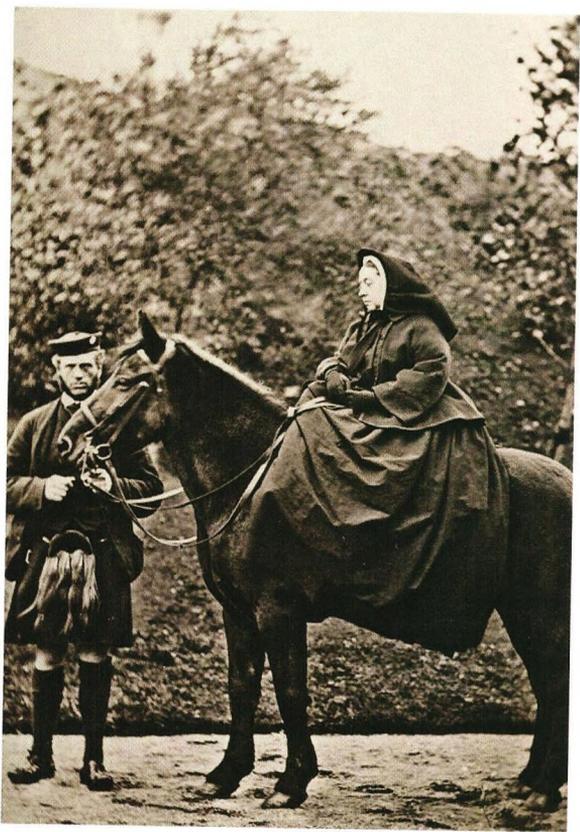

▲► Конверт с траурной каймой и траурный медальон с изображением надгробия-урны. XIX век

Вдовам вообще многое было нельзя: румяниться, пользоваться духами, пудриться. На третий год траура послабление делалось только в отношении румян. Мужчины появлялись на людях со шпагой, убранной в траурные ножны. В состоятельных семьях не только носили траурную одежду, но и переодевали слуг, а также обивали чёрным кареты.

▼ Виктория, королева Великобритании. Фото 1863 года

В Европе правила соблюдения траура порой были более мягкими: например, в Париже вдовы носили его год и шесть недель, во французской провинции чуть дольше — два года. Мужчины ограничивались шестью месяцами траура в Париже и годом в провинции. И в Европе, и в России самый долгий траур носили по усопшим супругам, а дальше — в зависимости от степени родства. Гражданский кодекс Франции

1828 года, например, предписывал носить траур по кузенам всего в течение двух недель. Конечно, бывали в истории и совершенно уникальные случаи: чего стоит только скорбь королевы Виктории по мужу, принцу Альберту. Став вдовой, она не снимала чёрное на протяжении 40 лет.

По мере ослабления траура снимали запреты и на светские увеселения. Помните, в «Горе от ума»

Софья говорит: «Съедутся домашние друзья потанцевать под фортепьяно — Мы в трауре, так балу дать нельзя». Бал нельзя, а праздник получился достаточно большой (гостей хватило для грандиозного скандала). Постепенно формировалась и индустрия траурной моды: женщинам сложно было три года носить простое чёрное платье, так что к их услугам были чёрные зонты, обувь, сумочки, в которых уже позволяли некоторые вольности. Апогеем траурного «кутюра» стал так называемый чёрный бал. На январь 1889 года в Аничковом дворце был назначен праздник, но тут в Австрии скончался с собой кронпринц Рудольф. Так как праздник устраивала императорская семья, его следовало отменить из-за траура. Мария Фёдоровна, супруга Александра III, решила этого не делать: много лет назад австрийская

Апогеем траурного «кутюра» стал чёрный бал

корона не стала объявлять траур в связи с кончиной её жениха, цесаревича Николая Александровича. Императрица отомстила: велела бал устроить, но дамы должны были прийти в чёрных бальных платьях и бриллиантах. Надо ли говорить, что траурный цвет на бал тогда никто не носил. Приглашённые сбились с ног, чтобы успеть сшить наряды, но справились. Считается, что именно с этого бала пошла мода на чёрные платья для торжеств.

▼ Чёрный бал в Аничковом дворце, Санкт-Петербург, 26 января 1889. Акварель Михая Зичи, 1889 год

◀ Молодая вдова.
Евграф Рейтерн, 1853 год

главной и относились с уважением. Обидеть вдову — значило обречь себя на адские муки, так что в деревнях не рисковали. Вдовы купцов нередко получали огромное наследство и начинали заниматься бизнесом сами. Так что «петь псалмы, молиться, читать священное, поститься» до конца жизни вряд ли кто-то был готов. По окончании траура и вдовы, и вдовцы начинали новую жизнь.

По данным профессора Санкт-Петербургского университета, специалиста в области исторической социологии Бориса Миронова, если бы не было повторных браков, то доля вдов и вдовцов к 45 годам достигала бы почти 45 % от всего населения страны, а к 55 годам она выросла бы до 65 %. На самом деле в конце XIX века 45-летних вдовцов было всего 4 %, а вдов чуть больше, около 15 % населения. Особенно популярными невестами были вдовы купцов и городских мещан: у первых обычно были деньги, а у вторых — жильё. Кандидат исторических наук Александра Емельянова, которая изучала особенности московских браков в XIX веке, установила, что вдовы-мещанки, жившие в Первопрестольной, в 90 % случаев выходили замуж за молодых людей, прежде брак не заключавших. Так они обретали жильё в Москве, а женщины — законных супругов. Пережив потерю, вдовы оказывались на ярмарках невест и чувствовали себя даже более уверенно, чем в юности.

Современники вспоминали, что незадолго до смерти Пушкин сказал жене: «Отправляйся в деревню, носи по мне траур два года и потом выходи замуж, но только не за шалопая».

Можно сказать, что поэт завещал Наталье Николаевне соблудности все положенные в то время приличия. Она почти выполнила наказ мужа: из Петербурга на некоторое время уехала, а замуж вышла вовсе не за шалопая, а за генерал-майора. Правда, немного нарушила одно условие: её вдовство затянулось на семь лет. Впрочем, как говорили её знакомые, недостатка в поклонниках Наталья Николаевна не испытывала. ▼

Нарушая запреты

Пожалуй, одним из самых известных случаев нарушения траура была женитьба Николая II.

Его невеста Аликс Гессенская и Рейнская приехала в Россию и успела получить благословение Александра III, который скончался 1 ноября 1894 года. Николай Александрович отказался отложить свадьбу до окончания траура, бракосочетание состоялось 14 ноября. Причины такого решения окончательно не ясны: то ли новый император сразу хотел упрочить своё положение, а для этого ему нужен был статус женатого человека, то ли Николай хотел повысить авторитет невесты. Понимая, что свадьба во время траура выглядит неуместно, Николай II выбрал для церемонии день рождения матери, что стало формальным предлогом для смягчения ограничений.

▼ Бракосочетание Николая II и великой княгини Александры Фёдоровны.
Лауриц Туксен, 1895 год

Жизнь после траура

Через пару-тройку лет вдовы (да и вдовцы) могли подумать о заключении нового брака. Хотя церковь относилась к вдовам строго. В Апостольских постановлениях (свод правил, якобы составленный апостолами и переданный людям) читаем: «*Всякая вдова должна быть кротка, молчалива, не злоблива, не гневлива, не болтлива, не двуязычна, не охотница мешаться в чужие дела. Она должна непрестанно возносить к Богу моления за церковь. У ней должны быть и око непорочно, и слух чист, и руки незапачканы, и ноги покойныя, и уста говорить должное... Она должна быть воздержанна, благоговейна, стыдлива — петь псалмы, молиться, читать священное, поститься*».

Но мало кто даже после строгого траура был готов навсегда отказаться от радостей жизни. Эти единицы уходили в монастырь. А ведь многие женщины после кончины супруга впервые в жизни обретали самостоятельность и... бессрочный паспорт. Девушки обычно были вписаны в паспорт отца, затем их переписывали в паспорт мужа, а вот после его смерти женщина получала отдельный документ. Более того, если муж получал пенсию, то вдова становилась его наследницей. В среднем пенсия вдовы чиновника не могла быть ниже 28 рублей 59 копеек.

Вдовы-крестьянки обретали, как сегодня модно говорить, субъектность: если вдовой становилась старшая женщина в семье, да к тому же имеющая детей, то её считали